

УДК 81'42

КОНЦЕПТЫ «ДОМ» И «ЛЕС» В КРЫМСКИХ И НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ

Шаколо А. В.

УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»,
Витебск, Республика Беларусь
e-mail: aleksasch-94@yandex.by

В статье рассматриваются ключевые концепты крымских и немецких сказок, – «дом» и «лес», – с учетом как национальной специфики, так и общего, универсального в сказочных текстах. Подчеркивается фундаментальная роль концептов «дом» и «лес» в крымском и немецком сказочном дискурсе. Вместе с этим выявляется их равноценная важность для персонажей сказок, – несмотря на то, что «дом» и «лес» в сказочных текстах представляют два довольно разных мира, которые, хотя и могут пересекаться, на подсознательном уровне представляют у героев несовместимые противоположности, образующие тем не менее единство по умолчанию. Помимо прочего, делается вывод о космогонической составляющей в крымских сказках, равно как и об особой магической функции леса у немцев. Подтверждается необходимость дальнейших исследований в области сказочного дискурса, – с целью выявления как национальной специфики, так и общих элементов. Анализируются примеры волшебных, бытовых сказок, сказок-притч, приняты во внимание их особенности. Концептуальная оппозиция «дом – лес» изучается как основополагающая для дискурса крымских и немецких сказок, что нашло отражение в их текстах.

Ключевые слова: дом, лес, сказочный дискурс, крымские и немецкие сказки, концепт.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области дискурсивного анализа текста в последнее десятилетие становятся все более актуальными. Именно поэтому, следует полагать, во введении к своей монографии «Основы теории дискурса» М. Л. Макаров отмечает, что категория дискурса для социальных наук столь же значима на сегодня, как евро для экономики Старого Света [8, с. 11].

Важно учитывать следующий факт: дискурс не может уподобляться ни фразе, ни языку, ни тексту, ни высказыванию, несмотря на то, что между всеми этими понятиями существует неразрывная связь. Идентифицироваться с фразой дискурс не может, будучи единством сверхфразового уровня, в случае с текстом наблюдается та же ситуация: «...Несмотря на то, что дискурс нередко определяется через текст, данные понятия не идентичны. Дискурс – важнейший момент жизни в языке, то, что Б. М. Гаспаров назвал „языковым существованием“...» [9, с. 43].

В случае с таким видом дискурса, как сказочный, нельзя утверждать, что он может быть полностью истолкован посредством «коллективного бессознательного», роль которого все же не стоит недооценивать: «Разграничивая уровни социального, регулярного надсознания и личностного, „импровизационного“ сверхсознания, не следует жестко привязывать мыслительную деятельность индивида к импровизации, а коллективное сознание только к уровню регулятивной игры» [1, с. 261]. В нашем исследовании дискурс крымских и немецких сказок изучается с позиции как общих, универсальных характерных черт, так и национальной специфики.

Целью предлагаемой статьи является изучение ключевых концептов крымского и немецкого сказочного дискурса на материале сказок, записанных на территории Крыма и Германии соответственно.

В качестве методов исследования послужили описательный, сравнительно-сопоставительный, метод дискурсивного анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Важнейшими элементами любой сказки являются завязка и развитие действия. Если завязка происходит, как правило, дома, то приключения, опасность и все необычное ожидает героев чаще всего в лесу. Именно «дом» и «лес» мы считаем ключевыми и основополагающими концептами большинства сказок, по причине чего и будем рассматривать их раскрытие в крымском и немецком сказочном дискурсе на конкретных примерах.

Перед тем как рассмотреть оба концепта в сказочных текстах, сравним лес и дом как универсальные символы сказочного дискурса.

В «Словаре символов» Х. Э. Керлот описывает лес следующим образом: «Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала или Великой матери. <...> Лес также рассматривается как символ бессознательного. Циммер подчеркивает, что в противоположность городу, дому и обрабатываемой земле <...>, лес дает приют всевозможным опасностям... Поэтому леса в первую очередь были местом культов богов, а умиляющие жертвы подвешивались на деревьях (дерево в этом случае – эквивалент жертвенного столба)» [5, с. 289].

На основе подобного толкования леса можно сделать вывод о том, что лес – воплощение хаоса. Он может символизировать женское начало, а также бессознательное. В сказках важен принцип «все или ничего», и вся сюжетная канва пронизана упорной борьбой за первое, во имя восстановления нарушенного миропорядка.

Теперь обратимся к описанию Х. Э. Керлотом архетипа «дом»: «Мистики традиционно представляли женский аспект мироздания в виде груди, дома, стены, огражденного сада. Другая символическая связь существует между домом (а также вышеупомянутыми формами) и хранилищем мудрости, т. е. традиции самой по себе. <...> ...Прежде всего дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и мыслью (т. е. жизнью) человека... А. Тейяр поясняет это тем, что образ дома во снах представляет собой различные уровни (души)» [5, с. 179–180].

На основе двух толкований леса и дома можно сделать вывод об их тесной взаимосвязи при абсолютно разных функциях. Если дом – модель самого человека, хорошо знакомая ему и вызывающая, как правило, устойчивые ассоциации с понятием космоса в значении, которое вкладывали в него еще древние греки, то лес – воплощение хаоса. Он может символизировать, как было отмечено выше, женское начало, бессознательное, хаотичное. Если же обратиться к древнекитайской натурфилософии, одним из постулатов ее является обозначение женского начала Инь как тождественного земле, Луне, покою. Несмотря на то, что субстанция Инь – холодная, темная, негативная – именно она вносит гармонию в наш мир, дополняя Ян: противоположные начала уравнивают друг друга [3, с. 64]. Этим и объясняется множество сказочных сюжетов, сочетающих житейское понимание мира с древнейшими знаниями наших предков: герой переходит из одного состояния в другое, преображается, проходя испытания.

Большое число смыслов, связанных с домом, встречаем в «Словаре поэтических образов» Н. Павлович, причем их значительная доля приходится на сравнение дома с человеком, в некоторых случаях дом отождествляется с матерью; есть также метафора, восходящая к Библии и подтверждающая сакральное, спасительное значение дома: дом – ковчег [9, с. 526–529]. У С. А. Есенина: «Низкий дом без меня

ссутулится»; у Н. А. Клюева: «...Улыбается мать-изба»; пословица «Своя хатка – родная матка», «Вот скромный дом, ковчег воспоминаний славных!..» – у П. А. Вяземского. На основе данных примеров делаем следующий вывод: как в индивидуально-авторской, так и в фольклорной картинах мира дом ассоциируется не только с теплом очага и защищенностью, но и с человеком, представителем рода в целом или, что еще существеннее, – с матерью.

В качестве наглядных подтверждений наших рассуждений рассмотрим примеры, взятые непосредственно из сказок, собранных в Германии и в Крыму.

Сказка братьев Гримм «Лесной домик» рассказывает о сестрах, по очереди отправленных матерью в лес: каждая из них должна была принести обед отцу, но ни одной это не удалось – заблудившись в лесу, девушки приходили одна за другой в лесной дом. Старшая и средняя сестры не накормили животных, за что их заперли в погребу, в то время как младшая была добра со всеми, жившими в доме. За свою доброту героиня вознаграждена искренней любовью принца: «Заклятье должно было длиться до тех пор, пока придет к нам девушка, добрая сердцем, и не только к людям, но и к животным ласковая» [2, с. 552]. Лесу здесь уделяется особое внимание: дворец располагался в лесу, жена дровосека туда же отправляет дочерей, в наказание сестры должны работать у угольщика в лесу.

Очевидно, отношение к лесу в немецких сказках довольно мягкое, пусть и допускается его негативное влияние из-за наличия некоторых угроз, что не препятствует поискам и обретению протагонистами там своего счастья; лес может стать домом для положительных героев, в то время как злодеев не спасут даже родные стены. Мы наблюдаем переплетение концептов «дом» и «лес» в одном сюжете.

В немецкой сказке «Король-лягушонок, или Железный Генрих» местом, куда ходила играть главная героиня, был лес: «Близ королевского замка раскинулся большой дремучий лес...» [2, с. 13]. И там же находился колодец, у которого королевская дочь встречает зачарованного королевича в образе лягушонка. То есть лес из зловещего места в данном антураже превращается в исходную точку для приключений, загадочную и притягательную. Замок же, по сути, дом принцессы,

упоминается лишь в качестве места, где она родилась и проживала на момент действия, но существенной роли в данной сказке не играет.

В сказке «Ранец, шапочка и рожок», записанной Я. и В. Гримм, трое братьев попадают в три леса. В первом была гора из серебра, во втором – из золота, в третьем же, самом необъятном, до которого добрался лишь наиболее настойчивый, младший брат, можно было обрести волшебные артефакты: скатерть-самобранку, ранец, шапочку и рожок: «И пошел дальше, и шел целых три дня; тут уж зашел он в лес, который был еще обширнее всех предшествовавших, и не было ему ни конца, ни края...» [2, с. 211]. Как раз найденные или выменянные именно в этом лесу волшебные предметы и помогли протагонисту в итоге сначала жениться на королевской дочери, победить всех врагов и предателей, а впоследствии и самому взойти на престол. Дом же упоминается в основном в связи с возвращением туда того или иного персонажа: «Он набрал серебра столько, сколько мог снести, затем свернул с дороги и воротился домой» [2, с. 210]. Разумеется, в данном случае возникают ассоциации с уютом и материальным благополучием, а также дает о себе знать связь человека с родным ему местом, хотя все это, скорее, подразумевается, нежели открыто подается читателю в немецких сказках. Действие здесь развивается по большей части за пределами дома.

Местом, полным удивительных чудес, в противовес обыденному, пусть и заведомо уютному и комфортному дому, предстает лес и в сказке «Певчий попрыгун-жаворонок», в которой младшая дочь попросила отца привезти ей в качестве подарка одноименную птицу: «Дорога его шла лесом, и среди того леса стоял прекрасный замок; а около замка росло дерево, и на самой его верхушке пел и попрыгивал львиный жаворонок» [2, с. 322]. Если жемчуга и бриллианты для старшей и средней дочерей главный герой приобрел без затруднений, то диковинного жаворонка он смог отыскать, уже отчаявшись, лишь в лесу.

У немцев, как видим, отношение к лесу не столь негативное, объяснение чему можно найти в историко-культурных предпосылках, веками оказывавших влияние на формирование немецкого менталитета. В трудах Тацита отмечается следующее: «Германские племена живут не в привычных для римлян поселениях городского

типа, а, напротив, в небольших деревнях с окружающим их свободным пространством» [15]. Становление германцев было сопряжено с лесной местностью, отсюда, вероятно, и отсутствие явно негативных коннотаций в случае с концептом «лес»: он в некоторой степени является вторым домом для будущих воинов либо их верных спутниц.

В сказках, записанных на территории Крыма, дом (в разных ипостасях) упоминается в качестве уютного очага либо места развития событий. Так, в «Сказке о блудливом кадии» о доме говорится при попытке соблазнения замужней женщины антигероем: «Отчего ты не позовешь меня к себе, когда муж твой уезжает из дому?» [6]. И далее, когда протагонистка мнимо сокрушается, желая привести в отчаяние незадачливого «любовника»: «Он застанет чужого мужчину в своем доме!» [6].

Несмотря на то, что данная сказка бытовая, а не волшебная, и в ней преобладает сатирическая составляющая, можно с уверенностью сказать: роль дома в данном случае очень важна, так как отрицательный персонаж проявляет смелость, только когда дома нет супруга главной героини, а затем по ее восклицанию можно понять, каков ужас столкновения «своего» с «чужим» (контраст «свой дом – чужой мужчина»), а также оппозиция «свой – чужой» как таковая в целом).

Отметим, что важно учитывать влияние русского фольклора на сказки крымских татар, о котором справедливо замечает в своей книге «Крымскотатарская литература» Л. С. Юнусова: «Сопоставление крымскотатарских сказок с русскими показывает, что немалая их часть совпадает не только по сюжету, но и по содержанию. Их сходство во многих случаях объясняется взаимовлиянием и взаимообогащением» [14, с. 15]. Далее исследователь приводит цитату В. Г. Белинского о двух «родах» русских сказок с точки зрения этимологии – богатырских и сатирических; причем, что касается первого, великий русский критик относит данный вид сказок к заимствованным у Востока или Запада. Более того, все восточные сказки, по его мнению, отличны своим чисто татарским происхождением, а русский человек впоследствии пересказывал услышанную от татарина сказку по-своему, с «русскими понятиями, русским взглядом на вещи и русскими выражениями» [14, с. 15–16]. В то же время Л. С. Юнусова говорит и о

заимствовании татарами русских сюжетов, примером чему могут послужить такие татарские сказки, как «Похороны козла», «Мужик и барин», которые можно отнести к творческим переводам русских аналогов. Подтверждением тому служит наличие в татарских сказочных текстах русских слов, равно как и бытового фона, не свойственного жизни крымских татар [14, с. 16].

В крымской волшебной сказке «О лисе и Беш-Салкым-бее» уже лес выступает полноценным местом действия: «На пути домой пришлось мудрому лису бежать по лесу, и напали на него охотники с собаками. Спасаясь от погони, попал Тильки в страшную чащу и увидел там в камнях пещеру» [6]. Далее мудрый лис оказывается в подземном царстве, вход в которое находился, как видим, в лесу, – более того, именно там, в пещере, лис увидел Аждагу: «огромное чудовище ужасного вида с семью головами, в пастях которых могло поместиться по сорок барашков, <...> это был Аждага – страшный властелин подземного мира, гроза земных царей» [6].

Следовательно, по сравнению с лесом в немецком сказочном дискурсе, лес в крымской сказке намного опаснее, вместе с тем он идеально подходит для инициации, составной частью которой является змеборчество, то есть в данном случае победа над подземным чудовищем. Примечательно прохождение инициации в данной сказке не человеком, а лисом, своей мудростью и смекалкой не уступающим не только древнерусским молодцам или героям немецкого фольклора, но и древнегреческому Одиссею.

Иной важный аспект, который обращает на себя внимание в тексте данной сказки, заключается в преобразении дома: по мере развития событий сакля превращается в роскошный дворец. Затем антигерой вновь остается ни с чем, так как, вопреки своему обещанию, не проявляет должного почтения к лису (ср. сказку, записанную братьями Гримм «О рыбаке и его жене», и тот же сюжет, но уже в художественной обработке А. С. Пушкина – «Сказка о рыбаке и рыбке»): «И не успел Беш-Салкым-бей опомниться, как Тильки исчез, а роскошный дворец на глазах изумленного чабана превратился в ветхую саклю с полусохшей лозой над дверью» [6]. Следовательно, концепт «дом» здесь представлен в двух ипостасях – ветхая сакля и прекрасный дворец, и хозяин дома сам виноват в том, что его жилище из

роскошного дворца вновь превратилось в неприглядную саклю – вполне типичный для всего мирового фольклора мотив.

Более того, по словам С. Д. Коцюбинского, крымского ученого-этнографа, научного сотрудника Алушкинского дворца-музея в 1932–37 гг., образ лиса вовсе не случаен в сказках крымских татар: «В сказках о Хаджи Тильки и правоверных пилигримах главный персонаж напоминает нам Рейнеке-Лиса романских фавль» [12, с. 14]. Далее исследователь отмечает, что данный персонаж мог быть занесен в Крым генуэзскими купцами, но с оговоркой: «...Прочтите сказку, и Вы увидите, что Лис приобрел местные черты, и сказка сделалась памфлетом на специфически мусульманский институт хаджи, имевший широкое распространение в Крыму» [12, с. 14]. Вероятно, ироническая составляющая сказки свидетельствует о плавном переходе от фантастических сюжетов к социально-бытовым.

В другой сказке, записанной в Крыму («Сказка о грозном хане и Лухман-Хекиме»), мудрый целитель Лухман-Хеким после долгих лет заточения не желает сразу же возвращаться в город, во дворец хана: «”Но прежде чем явиться к хану, – сказал он, – должен я провести сорок дней в уединении, вдали от городского шума”» [6]. Как видим, имеет место явное противопоставление дома деревне, хижине – дворцу (далее): «И удалился Лухман-Хеким в хижину одного бедняка и провел там сорок дней в размышлении. Когда же наступил сорок первый день, пришли от хана посланцы и повели мудреца во дворец» [6].

Судя по всему, хижина, по логике сказки, дарует мудрость и уют, в то время как дворец, несмотря на роскошь убранства и очевидное, неоспоримое величие, выступает лишь как место испытания для главного героя, но никак не поиска им гармонии в мире и самом себе. В итоге, именно во дворце впоследствии происходит сцена исцеления хана и его изменение в духовно-нравственном плане, что характерно не столько для волшебных сказок, сколько для притч, но тем не менее подчеркивает роль дома в крымском сказочном дискурсе довольно однозначно.

В сказке «О хаджи Тильки и правоверных пилигримах» лес становится местом встречи животных, отправившихся в паломничество в Мекку (петух, курица, индюк, гусь и утка) с упомянутым выше лисом Тильки в одежде хаджи. Лес предстает в

качестве места обитания этого хитрого, плутоватого персонажа крымских сказок: «Обрадованный лис тотчас же присоединился к путешественникам и начал обдумывать, какую бы хитростью заманить их в свою нору» [6]. Так, в данной сказке он является явным антагонистом, хитростью заманившим животных в свое жилище. В дальнейшем он съедает всех, кроме мнительного петуха, который спасся, оставшись на ночь во дворе, на дереве. Следовательно, дом в данной сказке не спасает пилигримов от коварного лиса, так как это его пространство, которое он и выбрал для расправы. Лес также является его большим домом, – только там чувствует он себя в безопасности, в своей стихии, укрываясь от охотников: «И, не дожидаясь ответа петуха, добродетельный хаджи с такой быстротой устремился в чащу леса, что только его там и видели» [6]. Очевидна также тонкая ирония сказочного текста, именуемая лиса добродетельным, – отсылка на тот факт, что антагонист сам убедил своих жертв в том, что иного выхода, кроме как быть съеденными им же, у них не остается по причине отсутствия документов: «”Так как документов у вас нет и вас все равно повесят, то не лучше ли будет, о, правоверные, если я вас, да продлит Аллах ваши дни, съем и, тем самым, спасу от неугодной Богу смерти”» [6]. Лис, таким образом, вызывает противоречивые чувства, будучи одновременно и красноречивым оратором с даром убеждения, и хитроумным злодеем.

В «Сказке о сорока плешивых и одном косом» главный герой, трикстер Косой, находит в лесу свою зарезанную корову после того, как сорок плешивых пастухов заподозрили его в обмане: «Рассердились плешивцы еще больше, да и прирезали эту корову. Когда Косой обнаружил пропажу, пустился он на поиски и к вечеру нашел свою корову в лесу зарезанной» [6]. То есть лес служит местом для расправы или сокрытия следов злодеяний в данной сказке. Общеизвестен факт принесения жертвоприношений в лесах в дохристианские времена, что, возможно, могло найти отражение в данной крымскотатарской сказке. Далее пастухи после очередной уловки главного героя желают расправиться уже с ним, но, чтобы отложить час возмездия, персонаж советует им сходить в лес за дубинками (якобы с целью ужесточения наказания для себя самого): «Сорок глупцов нашли совет косого столь благоразумным, что тотчас же отправились в лес за дубинками, оставив хитреца

лежать в мешке» [6]. В данном фрагменте лес используется уже Косым – для обмана и спасения собственной жизни. В итоге он действительно выигрывает время и меняется с купцом местами, пообещав тому, что сейчас придут люди и сделают его падишахом. Как видим, лес может выполнять и спасительную функцию в некоторых случаях, что, однако, является, скорее, исключением, так как и главный герой данной сказки далек от положительного образа – больше он напоминает лиса Тильки в человеческом облике.

В рамках дискурса крымских и немецких волшебных сказок уместно провести параллель между крымскотатарским лисом Тильки и Рейнеке-Лисом, о сходстве и преемственности между которыми справедливо упоминал процитированный нами выше С. Д. Коцюбинский. Лис Тильки выступает в образе хаджи («О хаджи Тильки и правоверных пилигримах»), обманом погубившего невинных животных-пилигримов, либо дарителя («О лисе и Беш-Салкым-бее»), который помог чабану стать знатным беем, а затем отнял у него все, так как тот не сдержал своего обещания и допустил nepoзвoлитeльную дерзость по отношению к своему покровителю. Что касается Рейнеке-Лиса, впервые он встречается в произведениях т. н. животного эпоса Средневековья. Имеют место нидерландские, верхненемецкие, французские, латинские версии, – «все они объединены хитрецом, обманщиком и лицемером Рейнеке-Лисом» [11]. Следовательно, Рейнеке-Лис в рамках дискурса средневековой городской литературы – целиком и полностью отрицательный персонаж, олицетворение людских пороков, способный примерять множество масок, оставаясь при этом подлым и коварным, но хитроумным злодеем. В дискурсе же крымских сказок лис Тильки – не всегда злодей; он может быть и справедливым дарителем, наказывающим лишь при необходимости. На основе вышесказанного можем утверждать о проявлении национальной специфики посредством образа лиса в крымскотатарском фольклоре при сохранении общих, универсальных черт, свойственных также и славянским сказкам (ср. хитрую антагонистку лису в русских сказках о животных).

В волшебной «Сказке о Кичкинэ» вновь появляется чудовище Аждага, с которым борется протагонист, крымский аналог мальчика-с-пальчика, само

появление которого происходит благодаря тому, что главный герой с женой из жалости к многодетной цыганке оставляют ее с детьми у себя дома на ночлег: «Забрал он нищенку вместе с ее выводком и повел к себе в саклю... Хоть и испугалась жена этой оравы, но была она с добрым сердцем и оставила семью цыганки в своем доме» [6]. Та, узнав, что семейная пара мечтает хотя бы об одном ребенке, там же благодарит их необычным образом, – так, что в результате волшебства у главных героев появляется сразу сорок маленьких детей. От них радушные хозяева по причине большого количества сразу же отказываются, но одному из сыновей, Кичкинэ, удается спрятаться от цыганки и остаться в доме своих фактических родителей. Итак, дом в данной сказке выступает местом, в котором человек может проявлять как милосердие, так и малодушие, а также местом волшебства.

Примечательно, что сорок маленьких человечков цыганка наколдовала с помощью яйца: «Выпроси у соседки куриное яйцо и дай мне сделать над ним заклинания. А когда муж твой вернется домой, брось это яйцо правее его в стенку. И ты увидишь, что желание его будет исполнено». Хозяйка так и сделала. Едва только муж переступил порог, она бросила в стенку заколдованное яйцо, и, – о чудо! – из яйца, как из решета, высыпались один за другим сорок маленьких, как зерна, человечков» [6].

Данный фрагмент несколько напоминает мифы о Пань-гу – ключевом персонаже древнекитайской мифологии, появившемся из яйца и отделившего Инь от Ян, то есть, по сути, сотворившего мир, в связи с чем М. В. Пименова упоминает этогодемиурга, анализируя русскую сказку «Курочка Ряба»: «Китайский первопредок Пань-гу, зародившийся в космическом яйце, рассек его на две части: Землю и Небо. Чистейшая космогония – наша сказка о Курочке...» [10, с. 48]. Более того, там же [10, с. 48] исследователь отмечает связь данной космогонии с «Калевалой», финским эпосом, и приводит отрывок из первой руны: «Из яйца, из нижней части, / Вышла мать земля сырая; / Из яйца, из верхней части, / Встал высокий свод небесный...» [4, с. 40]. Следовательно, можно с уверенностью говорить, что сюжет вышеназванной крымской сказки перекликается с космогонией не только «Курочки Рябы», но и древнекитайских мифов, а также финского эпоса. Не менее важно, что именно дом

выступает непосредственным местом действий подобной космогонии, что не может являться случайностью и лишь в очередной раз подчеркивает важность данного концепта в сказочном дискурсе Крыма.

Необходимо также отметить, что, помимо сказок крымских татар, а также элементов русского сказочного дискурса, на территории крымского полуострова как уникального, мультикультурного пространства имеют место также сказки местных цыган, исследованию которых посвящен труд В. Г. Торопова «История и фольклор крымских цыган». Так, по мнению автора, в основе цыганской сказки «Три брата» – сюжет множества русских сказок о Слепом и Безногом: «слуга помогает царевичу жениться, но жена-богатырша отрубает ноги слуге, узнав об обмане; Безногий находит Слепого, они помогают друг другу, затем их исцеляет колдунья, и они выручают царевича, укрощая царевну» [13, с. 30]. При этом исследователь обращает внимание на изменение сюжета в цыганском варианте данной сказки: отрубание ног подстроил молодой царевич (мстительный соперник Безногого, который приехал свататься к царевне, но опоздал). В дальнейшем Безногий получает от Царя в подарок сапоги-скороходы, тот в лесу встречает братьев – Чешущегося и Слепого. Там же, в лесу, трое героев находят ведьму, которая их исцеляет, после чего ее убивают в наказание за злодеяния [13, с. 30]. В итоге царевну укрощают, – как и в русском варианте. Роль концепта «лес» в данном контексте неоднозначна – это и убежище, место отшельничества, где герои встречаются друг друга, находят ведьму, заставляют ее исцелить их, а после убивают (место встречи и расправы). В развитии сюжета лес играет решающую роль, так как именно здесь традиционно происходит инициация персонажей, и сказочный дискурс крымских цыган не является исключением в данном отношении.

В. Г. Торопов также утверждает следующее: учитывая тот факт, что культурные и духовные связи между татарами Крыма и цыганами Крыма в 1944 г. были прерваны, цыганский фольклор, находившийся тогда под влиянием татарского и мусульманского в целом мира, попадает под влияние русского, и восточнославянского фольклора соответственно; при этом происходит дополнение старых татарских сказок сюжетными линиями русского фольклора, что не исключает

возможности «оцыганивания» сказочных текстов [13, с. 30]. В уже упомянутой нами сказке «Три брата» главные герои получают цыганские имена-прозвища, – свидетельство выражения национальной специфики того или иного этноса посредством сказочного дискурса, выделяя его среди других. Поликультурная среда Крыма служит хорошим подспорьем как для универсальных черт, так и присущих лишь конкретному народу, что отчетливо проявляется в текстах сказок.

ВЫВОДЫ

Таким образом, концепты «дом» и «лес» являются основополагающими составляющими крымского и немецкого сказочного дискурса. Несмотря на локальную специфику, они подчеркивают одинаковую важность для героя как дома, где он родился и вырос, так и леса, полного опасностей, угроз и неизвестности, но необходимого для прохождения инициации в крымских и немецких сказках. Важна также космогоническая составляющая, которая реализуется непосредственно в доме, – месте действия крымских сказок, как и особая магическая функция леса у немцев.

На основе всего вышесказанного, можем с уверенностью утверждать о необходимости и особой важности дальнейших исследований в области сказочного дискурса, – для выявления как национальной специфики, так и общих черт в сказках народов мира, являющихся кладезем народной мудрости, дошедшей до нас спустя многие века человеческой истории и не утратившей своей актуальности в по сей день.

Список литературы

1. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
2. Гримм, Я., Гримм В. Полное собрание сказок и легенд в одном томе. / Отв. ред. Е. Назарова. – М.: Издательство «Э», 2018. – 832 с.
3. Древний мир. / Под ред. К. В. Купченко. – Смоленск: Русич, 2002. – 128 с.
4. Калевала. / Под ред. И. Щербаковой. – М.: Художественная литература, 1977. – 586 с. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 12).
5. Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

6. Легенды и сказки Крыма. // <http://allskazki.ru/world/krim> (дата обращения: 15.03.2019).
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
9. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: в 2 т. – Т. 2. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 869 с.
10. Пименова М. В. Языковая картина мира. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 106 с.
11. Рейнеке-Лис. // <https://gufo.me/dict/litheroes/РЕЙНЕКЕ-ЛИС> (дата обращения: 18.03.2019).
12. Сказки и легенды татар Крыма. / Под ред. Я. П. Бирзгала. – Симферополь: ГОСИЗДАТ КРЫМ. АССР, 1936. – 376 с.
13. Торопов В. Г. История и фольклор крымских цыган. – М.: Ин-т наследия, 2004. – 88 с.
14. Юнусова Л. С. Крымскотатарская литература. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 349 с.
15. Die Germanen – die Erben Roms // <http://www.ahlbacher.info/germanena.htm> (дата обращения: 15.03.2019).

References

1. Borbot'ko V. G. *Principy Formirovaniya Diskursa: Ot Psiholingvistiki k Lingvosinergetike* [Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguistic Synergetics]. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 288 p.
2. Grimm, J., Grimm W. *Polnoe Sobranie Skazok i Legend v Odnom Tome* [Complete Collection of Fairy Tales and Legends in One Volume]. Edited by Ye. Nazarova. Moscow: E Publ., 2018. 832 p.
3. *Drevnij Mir* [Ancient World]. Edited by K. V. Kupchenko. Smolensk: Rusich Publ., 2002. 128 p.

4. *Kalevala* [Kalevala]. Edited by I. Shcherbakova. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1977. 586 p. (Library of World Literature. Series 1. Volume 12.)
5. Cirlot J. E. *Slovar' Simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: REFL-book Publ., 1994. 608 p.
6. *Legendy i Skazki Kryma* [Legends and Fairy Tales of Crimea]. Available at: <http://allskazki.ru/world/krim> (accessed 15 March 2019).
7. Makarov M. L. *Osnovy Teorii Diskursa* [Theoretical Framework of Discourse]. Moscow: Gnozis Publ, 2003. 280 p.
8. Maslova V. A. *Sovremennye Napravlenija v Lingvistike: uceb. posobie* [Modern Trends in Linguistics: study book]. Moscow: Akademija Publ., 2008. 272 p.
9. Pavlovich N. V. *Slovar' Poeticheskikh Obrazov: v 2 t.* [Dictionary of Poetic Images: in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow: Editorial URSS Publ, 2007. 869 p.
10. Pimenova M. V. *Jazykovaja Kartina Mira* [Linguistic World Image]. Saint Petersburg: SPbU Publ., 2011. 106 p.
11. *Rejneke-Lis* [Reynard the Fox]. Available at: <https://gufo.me/dict/litheroes/РЕЙНЕКЕ-ЛИС> (accessed 15 March 2019).
12. *Skazki i Legendy Tatar Kryma* [Fairy Tales and Legends of the Crimean Tatars]. Edited by J. P. Birzgal. Simferopol: GOSIZDAT KRYM. ASSR Publ., 1936. 376 p.
13. Toropov V. G. *Istorija i Fol'klor Krymskih Tsygan* [History and Folklore of the Crimean Gypsies]. Moscow: Heritage Institute Publ., 2004. 88 p.
14. Junusova L. S. *Krymskotatarskaja Literatura* [Crimean Tatar Literature]. Simferopol: DOLJA Publ., 2002. 349 p.
15. *Germans – the Heirs of Rome*. Available at: <http://www.ahlbacher.info/germanena.htm> (accessed 15 March 2019).

**CONCEPTS “HOUSE” AND “FOREST”
IN CRIMEAN AND GERMAN FAIRY TALES**

A. V. Shakola

The article deals with key concepts of Crimean and German fairy tales, “house” and “forest”, taking into account both national specifics, and the general, universal in fairy-tale texts. The fundamental role of concepts “house”

КОНЦЕПТЫ «ДОМ» И «ЛЕС» В КРЫМСКИХ И НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ...

and “forest” in Crimean and German fairy-tale discourse is emphasized. Besides, their equivalent importance for characters of fairy tales comes to light, – in spite of the fact that “house” and “forest” present in fairy-tale texts two extremely different worlds, which, though can be crossed, represent the incompatible contrasts in character’s minds at the subconscious level forming nevertheless unity by default. In addition, the conclusion about a cosmogonic component in the Crimean fairy tales, as well as about special magic function of the forest in German ones is drawn. Need of further researches in the field of fairy-tale discourse – for the purpose of identification of both national specifics, and the general elements – is confirmed. Examples of wonder stories, domestic tales, parables are analyzed, their features are taken into account. The conceptual opposition “house – forest” is studied as fundamental for a discourse of Crimean and German fairy tales that was reflected in their texts.

Keywords: house, forest, fairy-tale discourse, Crimean and German fairy tales, concept.